

УДК 111+39

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2024-4/6-10>

Е.А. Ерохина*

«НАЗАД, К МЕТАФИЗИКЕ»: МАТЕРИАЛЬНОСТЬ И НОВЫЙ ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В статье на примере рецепции Г. Харманом элементов теории ассамбляжей М. Деланда и акторно-сетевой теории Б. Латура рассмотрены особенности возвращения онтологической проблематики в пространство социально-гуманитарного знания, в т.ч. антропологии. Автор полагает, что концепт материальности имеет определяющее значение в онтологическом повороте антропологии и этнографии к философии.

Ключевые слова: онтологический поворот, антропология, спекулятивный реализм, акторно-сетевая теория, ассамбляж, объектно-ориентированная онтология

«Back to metaphysics»: materiality and the new ontological turn in anthropology.
ELENA A. EROKHINA (Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia)

The article examines the features of the return of ontological issues to the space of social sciences and humanities, including anthropology, using the case of G. Harman's reception of the elements of M. Delanda's assemblage theory and B. Latour's actor-network theory. The author believes that the concept of materiality is crucial for the ontological turn of anthropology and ethnography to philosophy.

Keywords: ontological turn, anthropology, speculative realism, actor-network theory, assemblage, object-oriented ontology

Введение

Во введении к сборнику «Российская антропология и онтологический поворот» его редактор С.В. Соколовский характеризует новейшие тенденции в этнолого-антропологическом знании следующим образом: «Новые объектно-ориентированные концепции, утверждающие взгляд на социальность как взаимодействие людей и вещей в рамках объемлющих их сетей отношений и превращающие вещи в неотъемлемую часть социальности, как раз и пытаются, как представляется, вернуть нам вещи во всей их полноте и автономности»

[6, с. VII]. Это признание свидетельствует о том, что ориентация на деконструкцию метанарративов, заявленная как программа реформы этнолого-антропологического знания [7, с. 502], оказалась маргинальной. Об этом говорит и возвращение интереса к вопросам метафизики со стороны этнографов, этнологов и антропологов, цитирующих философов и социологов едва ли не более широко, чем коллег по цеху [3, с. 9]. Кроме того, значительное влияние на онтологический поворот оказал интерес к физическим свойствам вещей, от которых социо-

* ЕРОХИНА Елена Анатольевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия, leroh@mail.ru

© Ерохина Е.А., 2024

гуманитарное знание долгое время отворачивалось, отдавая их на откуп естественным наукам. Имело значение и преодоление дихотомии между символическим и прагматическим, обусловленной делением культуры на материальный и духовный компоненты, где первый выступал лишь субстратом.

Помимо этого, стоит отметить, что вопрос о степени субъективного («искажающего») воздействия ученого на объект исследования в постнеклассической науке был решен в форме отказа от классической модели рациональности во второй половине XX в. Теоретическим постулатом постнеклассической рациональности стало представление о человеческом сознании, мышлении и воображении как о конституирующих реальность окружающего мира феноменах. Особенно справедливым такое видение считалось в отношении включенных в мир культуры вещей. Следствием такого подхода стало изменение дисциплинарных стратегий науки: смещение фокуса с предмета дисциплины с четкими границами на отсутствие границ, переключение интереса с объекта на метод его изучения, внимание к эпистемологии вместо онтологии.

Однако на рубеже 1990-х и 2000-х гг. появляется ряд теорий, прямо или косвенно обозначающих интерес к метафизике, в их числе – т.н. спекулятивный реализм Квентина Мэйясу, Грэма Хармана, Рея Брасье и Йена Гамильтона Гранта. Поводом для возникновения интереса к этому направлению метафизики со стороны этнографов стала их вовлеченность в дискуссию по поводу применимости методов акторно-сетевой теории (АСТ) Бруно Латура в этнологии. Именно в рамках акторно-сетевой теории была предложена новая модель объективации социальных отношений, объединяющих мир людей и мир вещей (заметим в скобках – и мир животных) в некую целостность, в пределах которой статусы субъекта и объекта, человека, животного и вещи уравниваются в правах. «Мир материальных объектов становится самодостаточным и нейтральным по отношению к человеку. Ему не требуется опора в мире социальных значений. Уже не человек придает смысл вещи, а вещь определяет ценность человека» [1, с. 16].

Преодоление радикального скептицизма потребовало выхода социологии за собственные пределы в попытке создать мета-социологию, где человеческое существо становится лишь одним из элементов коммуникативной системы. В модели Латура нечеловеческие акторы – животные и вещи – вступают во взаимодействие на равных с

людьми и человеческими коллективами, создавая то, что Латур называет сетями [4, с. 93]. Ключевой эпистемологический конфликт между физической природой вещей и тел с одной стороны и их символическим, социальным по природе содержанием с другой теряет смысл. Значение имеют лишь точки сборки, или узлы взаимодействия. Все, что существует, может оказаться актором, участвующим в процессе конструирования сети или ее разрушении [5, с. 167].

Однако важной проблемой этой методологии оставалась сиюминутность и ситуативность контекста взаимодействия, из которой вытекала скрытая идея о том, что вещи существуют только здесь и сейчас. Кроме того, предложенное Латуром решение подталкивало к выводу о том, что ничто не может существовать без наблюдателя, без человека, который приходит и собирает «не-что», которое начинает существовать. Еще одно уязвимое для критики место – это идея о том, что все объекты находятся на одном уровне: химикаты, армии, корпорации, идеи [9, с. 55].

Теория ассамбляжей М. Деланда

Альтернативную АСТ концепцию предложил американский философ континенталистского направления Мануэль Деланда. В ней общими с теорией Латура являются положения, согласно которым объект понимается как то, что: 1) подвержено изменениям; 2) поддерживает множество представлений о себе; 3) остается идентичным самому себе; 4) соприсутствие человека в качестве посредника во взаимодействии объектов не является обязательным. Наконец, объединяющим с АСТ моментом можно считать возвращение вещи в центр философии [8, с. 4].

Деланда не предлагает никаких доказательств реализма, считая, что бремя доказательства лежит на идеалистах (корреляционистах), которые сводят «греющее нас солнце и поражающую нас болезнью» к явлениям сознания. Для обоснования своего реализма Деланда вводит концепт ассамбляжа, выступая против различия между природным и социальным. Он показывает, что сложные объекты, в функционировании которых вовлечен человек, имеют схожую онтологию с природными объектами, которые функционируют независимо от человеческого участия. В принятии этого равенства природного и социального состоит одно из измерений «плоской» онтологии Деланда. В то же время он уточняет, что его реализм отличается от реализма, согласно которому мир окружающих

нас материальных объектов существует независимо от человеческого сознания. Реальность сложных объектов (как социальных, так и природных) состоит в их независимости от тех концептуальных рамок, посредством которых мы пытаемся их осознать. В качестве аргумента к этому тезису он приводит следующий довод. Хотя общество находится в некоторой «зависимости от ума» людей, его составляющих, социальные структуры все же обладают реальностью, которая не зависит от представления ума о них. В этом смысле структуры обладают принуждающей для индивида силой, независимо от того, понимает ли он характер их влияния или нет, признает или отвергает их существование, их влияние на него [2, с. 7–8].

Наиболее спорным элементом его теории остается идея экстериторности, предполагающей определенную автономию частей по отношению к целому таким образом, что компонент ассамбляжа (агрегат) может быть изъят из системы и перемещен в другой ассамбляж. Сам процесс такого перемещения не обязательно предполагает смены идентичности [8, с. 11]. Но всегда ли и в отношении всех ли элементов это возможно?

Чтобы понять природу соотношения части и целого в метафизике спекулятивного реализма, необходимо детальнее разобраться в онтологическом строении агрегата, или компонента, ассамбляжа. Сущности, объединяющиеся в ассамбляжи, представляют собой динамичные объекты, свойства которых могут изменяться в результате реализации ими их способностей к взаимодействию с другими динамичными объектами. Свойства целого (ассамбляжа), в состав которого входят эти динамичные сущности, действительно не сводятся к совокупности свойств его компонентов, однако они могут возникать в результате проявления их способностей к взаимодействию.

Объектно-ориентированная онтология

Г. Хармана

Грэм Харман, который осуществляет интеграцию ассамбляжа М. Деланда в свою объектно-ориентированную онтологию, в качестве примера реальных ассамбляжей приводит разносущностные феномены, обладающие общим свойством системности – Лондон или Каир, Опус Деи, паучья паутина, Мальтийский орден. Раскрывая отличие реального ассамбляжа от нереального, он обращает внимание на: 1) его способность задним числом влиять на собственные части, вводить свои элементы в новые ситуации и отношения (Опус

Деи способен на отравления, на которые в одиночку бы не решились его члены); 2) избыточность (ни один член Опус Деи не является незаменимым, однако структура ордена воспроизводится постоянно) [8, с. 10].

Деланда допускает бесконечное число уровней, бесконечный прогресс и регресс разномаштабных ассамбляжей. Органические и неорганические объекты движутся из ассамбляжа в ассамбляж, иногда ничуть не меняясь. Автомобильные детали легко переставляются с машины на машину, футболисты переходят из одного клуба в другой. Вещи вовлечены в обратные связи, а не сплавлены в единое целое. Ассамбляжи находятся в непрерывном процессе (само)переопределения: в них происходит перманентная работа по их гомогенизации или, наоборот, размыванию их идентичности. Оба процесса протекают одновременно, причем каждый компонент ассамбляжа, проявляя разные наборы своих способностей, может участвовать в этих разнонаправленных процессах [10].

Такая перспектива преодолевает «организмическое» понимание соотношения части и целого, в котором части или компоненты осмысливаются как органы, неспособные существовать вне целого. В рамках такой онтологической модели части связаны друг с другом отношениями интериорности, где целое напрямую зависит от составных элементов, а изменение внутри элементов или их комбинации повлечет изменение характеристик/поведения целого. Именно целое определяет идентичность своих частей, и мы не можем помыслить успешное функционирование организма, если из игры выбывает определенный орган или его заменяют другим.

В попытке преодолеть такой органицизм Деланда предлагает идею автономности частей (агрегатов) по отношению к целому, их способность к переопределению в пределах структуры и за ее пределами. В эту перспективу устремляются и спекулятивные реалисты. В ней все вещи приобретают статус объектов – как материальные, так и нематериальные. Объекты способны вступать во взаимодействие без посредника – как без помощи человека воображающего, наблюдающего, конституирующего реальность, так и без посредства субстанции, что бы под этим ни понималось.

В ряду концепций метафизического реализма наибольший интерес вызывает идея объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана, т.к. она успешно справляется с критикой двух устоявшихся философских направлений – классического

и постнеклассического. Постнеклассическая модель рациональности оказалась тесно связанной с корреляционизмом, утверждающим, что вещи не имеют значения, если они лежат за пределами корреляции бытия и мышления (вплоть до отрицания их существования). Тем самым, «радикальная философия» от И. Канта до М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна отрицает существование мира вещей самих по себе (без человека). Аргумент против нее, предложенный Харманом, заключается в том, что вещи могут существовать независимо от воспринимающего – даже если отсутствует тот, кто различает их как целостность.

Вместе с тем объектно-ориентированная онтология преодолевает субстанциализм классической рациональности, постулировавший идею о том, что многообразие мира вещей есть лишь некая «пена», верхний слой базовой реальности, который не обладает самостоятельным бытием: якобы за ним скрывается некое единство, будь то субстанция, космос или дух. Харман отрицает наличие субстанционального посредника, побуждающего объекты к взаимодействию, обнаруживая способность вещей вступать во взаимодействие друг с другом.

Заключение

Эта реабилитация вещного мира вводит нас в эпистемическую ситуацию, в которой вещь, кажется, впервые выступает не как часть материальной культуры, но как уникальный предмет сама по себе, во всем ее перцептивном своеобразии и эмоциональной наполненности, как субъективная или индивидуальная ценность. Общее, что объединяет спекулятивных реалистов, это признание «плоской» онтологии – идея, что все объекты являются равными. Но прежде всего это означает, что человеческие существа не являются принципиально онтологически отличными от всех не-людей. Г. Харман, К. Мейясу, Р. Брасье и И.Г. Грант выступают против философии, наделяющей человека привилегиями, против признания того, что у человека есть прямой доступ к вещам.

Более того, идея о том, что вещи организуют нашу жизнь, побуждают вступать в коммуникацию, предписывая включаться в ту или иную предметную ситуацию, вести себя определенным образом, в соответствии с контекстом проигрывать определенные социальные роли, усиливает аргумент в пользу предопределенности поведения людей. Материальная среда – костюмы, мебель, сооружения – создает перфор-

мативную среду, без которой символическое действие оказывается невозможным. Даже речевые акты оказываются бессмысленными вне соответствующего антуража.

Все это проблематизирует вопрос о месте человека в мире, который осмысливался как персонцентричный, даже если постнеклассическая эпистемология не была настроена столь решительно. Если человеческие существа онтологически не отличаются от не-человеческих, можем ли мы настаивать на уникальности нашей рациональности в эпистемологическом плане? Если предметная ситуация детерминирует поведение людей, остается ли место свободе человеческой воли?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артюшина А.В. и др. Форум «Незамеченная революция» // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 7–92.
2. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
3. Мартынов В.А. «Культуральные войны»: теоретические проблемы истории «поворота» в науках о культуре (статья первая) // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 4. С. 8–17.
4. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
5. Писарев А. Картографируя новую материальность: навигационные установки и картины мира // Логос. 2022. Т. 32. № 6. С. 159–182.
6. Соколовский С.В. От редактора. Онтологический поворот // Российская антропология и онтологический поворот. М.: ИАЭ РАН, 2017. С. VI–VII.
7. Тишков В.А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // Сборник материалов XIII Конгресса антропологов и этнологов России. М.; Казань, 2019. С. 498–506.
8. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возвращение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 1–34.
9. Харман Г., Пиньо Т. Интервью с Грэмом Харманом // Философия науки и техники. 2020. Т. 25. № 2. С. 51–62.
10. DeLanda, M., 2016. *Assemblage theory. Speculative realism*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

REFERENCES

1. Artyushina, A.V. et al., 2015. Forum «Nezamечennaya revolyutsiya» [Forum «Unnoticed

revo-lution»], *Antropologicheskii forum*, no. 24, pp. 7–92. (in Russ.)

2. DeLanda, M., 2018. *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [A new philosophy of society: assemblage theory and social complexity]. Perm: Gile Press. (in Russ.)

3. Martynov, V.A., 2021. «Kul'tural'nye voiny»: teoreticheskie problemy istorii «povorota» v naukah o kul'ture (stat'ya pervaya) [«Cultural wars»: theoretical issues of the history of the «turn» in cultural studies (article 1)], *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no. 4, pp. 8–17. (in Russ.)

4. Latour, B., 2014. *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: an introduction to actor-network theory]. Moskva: VShE. (in Russ.)

5. Pisarev, A., 2022. *Kartografiruya novuyu material'nost': navigatsionnye ustanovki i kartiny mira* [Mapping new materiality: navigational dispositions and worldview], *Logos*, Vol. 32, no. 6, pp. 159–182. (in Russ.)

6. Sokolovskii, S.V., 2017. *Ot redaktora. Ontologicheskii povorot* [From the editor. Ontological turn]. In: *Rossiiskaya antropologiya i ontologicheskii povorot*. Moskva: IAE RAN, 2017, pp. VI–VII. (in Russ.)

7. Tishkov, V.A., 2019. *Da izmenitsya molitva moya: 30 let spustya* [May my prayer change: 30 years later]. In: *Sbornik materialov XIII Kongressa ehtnologov i antropologov v Kazani*. Moskva; Kazan, 2019, pp. 498–506. (in Russ.)

8. Harman, G., 2017. *Seti i assamblyazhi: vozvrashchenie veshchei u Latura i Delanda* [Networks and assemblages: the rebirth of things in Latour and Delanda], *Logos*, Vol. 27, no. 3, pp. 1–34. (in Russ.)

9. Harman, G. and Pinho, T., 2020. *Interv'yu s Gremom Kharmanom* [Interview with Professor Graham Harman], *Filosofiya nauki i tekhniki*, Vol. 25, no. 2, pp. 51–62. (in Russ.)

10. DeLanda, M., 2016. *Assemblage theory. Speculative realism*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024;
рекомендована к печати 29.10.2024*

